

Г.П. Григорьев

СТРУКТУРА ПАЛЕОЛИТА ДЕСНЫ

В настоящее время на первое место среди разных вопросов палеолита выходит вовсе не хронология памятников того или иного района, как раньше, а структура памятников. У многих авторов по старинке на первом месте стоит радиокарбоновая хронология памятников верхнего палеолита. Подчеркну — не просто хронология, а радиокарбоновая хронология. На исследователя верхнего палеолита Десны или Дона производит впечатление результат определения с точностью до 200 лет. Большинство так и думают: если Хотылево имело определение 24000 лет назад, а Костенки — 23000, то Хотылево старше Костенок на тысячу лет. Такое использование метода С 14 методически неверно, как показали многочисленные работы археологов и физиков последних лет.

Существенно и то, что определение радиокарбонового возраста памятников в некоторых случаях не то чтобы не так уж необходимо (оно, конечно, нужно для проверки определения возраста археологическим методом, и вообще определение возраста памятника и его места в системе — важнейшее дело археолога), но позволяет забыть

определение возраста археологическим методом, оттесняет его на задний план. В самом деле, зачем определять возраст Юдинова: мадлен это или домадленское время — если есть радиокарбоновое определение возраста? Однако начало мадлена далеко не всем понятно. Во Франции начало мадлена — мадлен 1, но в остальной Европе начало мадлена соответствует времени французского мадлена 5. А между ними большая разница во времени.

Наиболее важное обстоятельство — то, что определение археологической позиции памятника или группы памятников дает основание периодизации верхнего палеолита для Десны или Дона (правда, если группа была выделена на существенных основаниях и есть определение/дефиниция такой группы).

Раздаются голоса, что, стало быть, я утверждаю: хронология не нужна. Я этого никогда не говорил. Я говорю только, что до сих пор нельзя установить разницу в радиокарбоновом времени между Гагарино и Костенками с точностью до двух/трех тысяч лет. И, видимо, сейчас нет в этом необходимости. Точно так же хронология Юди-

нова и Елисеевичи необходима, но разница во времени между Елисеевичами и Юдиновым не может быть установлена с точностью до двух/трех тысяч лет. И пока в этом нет особой нужды. Ведь что такое определение возраста двух памятников с большой точностью? Это определение возраста 9 слоя Виллендорфа и Дольних Вестониц. Поскольку существует представление о происхождении Дольних Вестониц от Виллендорфа (9 слоя или 5 слоя), то желательно бы точно знать, кто из них моложе по радиоуглеродному методу, Виллендорф или Дольни Вестонице. Но определение абсолютного, а точнее — С 14 возраста не есть, как многие думают, окончательное решение вопроса, это лишь вспомогательная мера по отношению к археологическим суждениям о возрасте памятников.

Многие отечественные исследователи вслед за Я. Козловским теперь относят ряд новых памятников к эпигравету. Но уважаемый исследователь взял этот термин из работ итальянских археологов, а у последних нет определения этой группы памятников. И периодизация итальянского верхнего палеолита не сопоставима с периодизацией верхнего палеолита Средней и Восточной Европы. В Восточной Европе нет памятников, сходных с итальянскими, называемыми эпиграветом. И вообще определения эпигравета в достаточно строгом стиле не существует. Распространение этого термина (не понятия) идет таким способом. У соседа, например в Румынии, есть эпиграветский памятник; мой памятник похож на его памятник, стало быть, и мой памятник — эпиграветский. Судя по всему, периодизация верхнего палеолита Италии пользователями этого термина неведома. Следует либо отказаться от термина «эпигравет», либо дать определение, что же такое эпигравет в Восточной Европе. В частности, нужно определить, близок ли он эпигравету в Италии и в какой степени.

Занятия с материалами палеолита на Десне и Сейме, с днепровскими материалами (Межиричи, Добраничевка, Молодова 5 и 1) и с материалами стоянок/слоев Буга (Владимировская стоянка) поставили передо мной задачу определить, как относятся перечисленные материалы к типичным мадленским памятникам, что расположены к западу от территории бывшего СССР, или хотя бы к памятникам с мадленскими формами

в типологии каменных орудий или в искусстве. Их мадленский возраст определен разными способами и относится к числу давно установленных положений археологии палеолита. Были установлены формы свойственных мадленскому времени каменных орудий, распространенные много шире, чем памятники мадленской культуры. Существуют и костяные изделия, свойственные мадленским памятникам Франции и известные на территории большей части Европы. Наконец, существует мадленское искусство Франции. И вплоть до Моравии находятся неравномерно распределенные объекты, родственные французским шедеврам искусства малых форм.

Существует множество памятников, радиоуглеродный возраст которых, по данным нескольких измерений, совпадает со временем мадленских памятников Европы. Я здесь говорю о памятниках после 13–14 тысяч лет и позже, которые примерно соответствуют 4–5 ступеням мадлена/мадленской культуры во Франции или мадленским памятникам Германии и Чехии. Многие исследователи палеолита Европы полагают, что времени раннего мадлена Франции к востоку от Рейна соответствует хиатус, отсутствие памятников.

Интересно определить *типологические мадленские признаки* в наборе каменных орудий (и костяных, насколько это возможно) на территории европейской части бывшего СССР (западных областей России, Белоруссии и Украины). Раньше, задолго до появления радиоуглеродного метода определения возраста, П.П. Ефименко полагал, что достаточно присутствия мадленских скребочков или резцов, чтобы отнести памятник к позднему времени — в пределах верхнего палеолита — к мадлену (Ефименко, 1934, с. 439).

Отношение П.П. Ефименко к поздним — в пределах верхнего палеолита — памятникам было своеобразным, и оно не нашло отклика у исследователей той поры, никто не выразил своего критического отношения к его подходу (но ср.: Городцов, 1935), и все до поры до времени с ним соглашались (Борисковский, 1953). В распоряжении П.П. Ефименко были в это время два памятника в Костенках (вторая и третья костенковские стоянки) и Боршево II, памятник, открытый Никитиным (Ефименко, 1928). Мезин считался тогда — по типологии каменных изде-

лий — почему-то памятником на грани между мадленом и солютре, и существовали Гонцы на р. Удай. П.П. Ефименко определял его как мадленский памятник. Более всего тогда считалось нужным полагаться на формы костяных изделий, порой даже на изобилие костяных изделий как на общий признак мадленской эпохи (ср.: Борисковский, 1935, 1941, 1953). Но их мало в отечественных памятниках, даже если учесть все нынешние памятники Восточной Европы. И к тому же среди этих изделий из кости нет ни мадленских гарпунов, ни иных форм мадленского круга.

Поскольку памятники мадленского времени количественно были ограничены и их число не увеличивалось, то не было возможности проверить предположение П.П. Ефименко о мадленской принадлежности донских памятников. Такая возможность представилась только с открытием сложного (двухслойного, двухгоризонтного) памятника Костенки IV (Александровка) (Рогачев, 1954), где были определены стратиграфическая позиция слоев, определенных как мадленские и типологические особенности материала, получены определения возраста памятника. Мадленской же кости, т.е. костяных изделий мадленского облика, на Русской равнине никогда не было отмечено.

Занятно, что были два случая нахождения гарпуна, но отношение к ним было самое скверное: их не признали за мадленские, поскольку они были найдены в слоях не мадленского, а мезолитического времени. Первый гарпун был найден в слоях мезолита Крыма, согласно представлениям о хронологии того времени (Бибиков, 1949), и его как мадленский не рассматривали. Второй был найден в Молодове 5 на Днестре (Черныш, 1959), и его П.П. Ефименко не оценил в должной степени. Строго говоря, он и не мадленский по своей морфологии: мадленский по времени, но по назначению — гарпун. Ведь гарпуны есть и в гамбургских стоянках, но не мадленского типа. Гарпун из Молодовы, хотя и имеет мадленский возраст, не имеет мадленского облика. Он не похож на французские гарпуны мадленского времени.

Известно, что гарпуны на всем пространстве мадленской Европы, где известны костяные орудия мадленской формы и произведения искусства мадленского стиля, имеют определенную и по-

вторяющуюся форму. У них два ряда зубцов, эти зубцы отогнуты назад в большей или меньшей степени, и тело гарпуна в основании заострено. Предполагают, что оно входило во втулку для соединения с деревянной частью этого вида охотничьего оружия. Во Франции есть мадленские гарпуны с одним рядом зубцов (мадлен IV).

Гарпун же из Молодовы 5 имеет три ряда зубцов, что ставит его вне рамок семейства гарпунов мадленского типа. Однако никаких гарпунов ранее мадленского времени (мадлен V и VI) на Днестре и вообще к востоку от Рейна неизвестно. Можно думать, что хронологически слои с гарпуном из Молодовы 5 относятся к мадленскому времени. В пользу этого говорит ряд определений археологических слоев в Молодове 5. Нефранцузские гарпуны известны в ряде памятников Германии и в Пекарне (Моравия).

Возвращаясь к донским стоянкам предположительно мадленского возраста, отмечу, что П.П. Ефименко инвентарь этих стоянок воспринимал как псевдо-ориньякский (Ефименко, 1928, 1934), но только по облику, а не по времени. Он определил их как архаические мадленские (архаический мадлен). В каменном инвентаре таких стоянок он отметил присутствие резцов, которые ему казались очень грубыми (Ефименко, 1928). Отсюда и его определение инвентаря стоянок как мадленских.

Принятие определенных форм каменных орудий как мадленских по возрасту было делом далеко не простым. П.П. Ефименко предложил известные, принятые нынешними исследователями позиции для памятников предположительно мадленского времени. Так, он усмотрел сходство между Супоневым и Мезиным, при этом обозначив Супоневое переходным памятником от Мезина ко времени среднего (?) мадлена. Каменные изделия Супонева были известны тогда только исследователям этого памятника — М.В. Воеводскому и П.П. Ефименко. В Супоневе П.П. Ефименко отметил формы, присущие Мезину (все те же проколки мезинского, как он полагал, типа), и большое число костяных изделий.

Следующую ступень мадлена, по П.П. Ефименко, представляет Гонцовская стоянка. В ней он впервые усматривает черты мадлена, выраженные в каменных орудиях. Для Мезина он находил некоторые параллели в солютрейских памятниках Франции — скребки. Это в новом веке,

тем более в нашем веке, неприемлемо. Упоминает П.П. Ефименко и пластинки с притупленным краем как категорию, но лишь упоминает, а в качестве определяющего признака не использует (Ефименко, 1928, с. 55).

Есть у него и соображения о локальных особенностях мадленского времени. Если Костенки II и III — это пришельцы с севера, то Супонево — это местное население (Ефименко, 1928, с. 54–55). В работе П.П.Ефименко впервые появляются два элемента, две формы орудий, которые и сейчас представляются существенными для оценки памятников: геометризованные округлые скребочки и орудия с притупленным краем типа клинка перочинного ножа: это *Federmesser-spitzen* немецких авторов середины XX в. (Ефименко, 1928, с. 56).

Похож ли инвентарь трех слоев Боршева II на мадленские памятники Германии и мадлен Моравии? Можно ли у нас выделить совокупность памятников, сходных с мадленом? Или здесь речь идет о стадильном сходстве, которое, может быть, позволит нам опознать памятники поздней поры верхнего палеолита, о чертах именно мадленских памятников — памятников с наконечниками в форме клинка перочинного ножа, с памятниками типа гамбург-аренсбург, с памятниками с черешковыми наконечниками?

З.А. Абрамова (Абрамова и др., 1997), работая с материалами Юдинова и соседних памятников, предложила как классификационную единицу для понимания палеолита Десны культурно-этнографическую группу. Для сравнения можно выбрать и другой таксономический уровень. Сходство в археологии — широкое понятие и слишком неопределенное. Это и сходство двух памятников, и однокультурность, и стадильная близость внутри Европы.

Мадлен Франции лишь в самое последнее время подвергается делению на территориальные группы, или классификации. Это, безусловно, явление монологичное, с ясно очерченными границами. Даже на ближайших территориях дело обстоит иначе, совсем не так, как во Франции. В соседней Испании нет раннего мадлена французской схемы, хотя наскальное искусство там почти неотличимо от французского. В Италии нет памятников мадленского типа, хотя много памятников этого времени. Вместе с тем мадленские памятники во Франции или памятники

с *Federmesser* в Германии гораздо более сходны между собою, чем сходны между собою памятники мадленского времени на территории Восточной Европы.

В последнее время отмечено присутствие элементов германских мадленских памятников (клювовидные орудия — *Zinken*, черешковые остря типа лингби) на памятниках по крайней мере бассейна Сены. А черешковые наконечники лингби отмечены в юго-западной Франции (грот Мерии, Тейжа). Это не отменяет своеобразия французских памятников по отношению к памятникам северных равнин.

Единичные памятники гамбургской культуры найдены на территории Польши: не отдельные элементы германских памятников, а именно памятники гамбургской культуры. Обнаружилось, что между археологическими группами памятников в мадленское время существовали связи, которые приводили к проникновению отдельных форм, ранее признанных за чисто немецкие, локальные. А отмечено ли существование мадленских форм орудий далее к востоку, на территории Восточной Европы? В последнее время во многих случаях среди археологов речь идет именно о проникновении чуждых Восточной Европе форм орудий на Десну и Сейм. Правда, наиболее активно обсуждается вопрос о том, как и когда появились черешковые наконечники на территории России.

Эти наконечники пока в работах отечественных авторов не имеют точного определения, отсюда описательное понятие — черешковые наконечники. Но и они типологически довольно разнолики, и возможность их определить с большей точностью, с точностью до типа, на мой взгляд, сомнительна. Задача такого рода возникла после того, как польские археологи стали искать корни свидерских памятников на соседних с Польшей территориях. Первыми Я. Козловский нашел в Польше наконечники типа лингби. Но это, скорее, были наконечники с черешком — разновидность свидерских. Пока мы все еще далеки от определения типов наконечников. Свидетельство тому то, что наконечники, скорее всего лингби, из грота Мерии были не опознаны как наконечники лингби и шли как наконечники мерии.

Бассейн Десны с Сеймом и прилегающие территории — обширные пространства, где суще-

ствуется множество памятников мадленского времени, давно известных. В 1950-е годы палеолит Десны и бассейна Дона противопоставляли как два региона, примерно равнозначных. К концу прошлого века многие авторы пытались выделить на Десне локальные культуры или просто археологические культуры для ограниченного времени конца верхнего палеолита. Как можно видеть, все эти попытки демонстрируют, прежде всего, если не отсутствие методики выделения культур, то отсутствие сходных результатов выделения и, конечно, различия в методике, часто не осознаваемые авторами. Обращают на себя внимание попытки выделить археологическую культуру по двум памятникам, т.е. противопоставить два памятника остальным, приблизительно одновременным, на соседней или на той же самой территории (Гаврилов, 1994; Грехова, 1970; Абрамова, 1995).

К числу бесспорных, на мой взгляд, положений относится то, что уникальный Мезин есть, а мезинской культуры нет: в Мезине нет признаков соседних деснинских памятников (Пушкари, Тимоновка, Погон). Говорить о среднеднепровском единстве с Мезиным в основе также нет оснований. Уже П.П. Ефименко ставил Мезин в одну линию эволюции верхнего палеолита Десны, предполагая, что индустрия Мезина развилась в индустрию Супонева (Ефименко, 1958, с. 546), а из Супонева развивается Тимоновка и Юдиново.

На мой взгляд, Мезин — стоянка уникальная среди всего верхнего палеолита Восточной Европы. Возможно, все дело в том, что Мезин древнее соседних памятников, может быть, древнее и Пушкарей; с тем, что он резко отличается от деснинских памятников многими чертами, многие согласны. И не так уж и важно, почему он столь оригинален, отличен от всех деснинских памятников. Пока на этот вопрос трудно ответить. Нет возможности выделить мезинскую культуру, или мезинскую группу. Ведь есть же памятники с неопределенной характеристикой вроде Бугорка, и нет с ним близко сходных (однокультурных) памятников. А Мезин своеобразен, и за его пределами нет проколов мезинского варианта, нет таких ретушированных острий, нет таких пластинок с притупленным краем, у которых одинаковые (симметричные) концы. Скрепки Мезина не таковы, как в любом другом памятнике, даже если взять памятники всего Днепровского бассей-

на. Поставить уникальный Мезин в центре какого-то единства, суммы с ним однокультурных памятников невозможно.

Оригинальность Мезина замечена давно, и попытки показать его сходство с множеством самых разных памятников палеолита (и даже мезолита) основаны на методически неверной основе. Ведь его даже связать с какой-то группой памятников (среднеднепровская провинция, по Шовкоплясу) — и то невозможно! И.Г. Шовкопляс (1965) хорошо написал про искусство Мезина, но типология кремня не была его сильной стороной. Не зная тонкостей культуроразличия, он набрал для доказательства сходства Мезина с другими памятниками много нейтральных признаков, вроде косоретушных острий и косоретушных резцов; но они непригодны для культуроразличия. Указать оригинальные, для меня — *культуроразличающие*, черты каменных орудий Мезина И.Г. Шовкопляс не смог. По тексту видно, что ему было все едино: называть совокупность памятников мезинской культурой, среднеднепровским единством или считать ту же совокупность ранним мадленом (Шовкопляс, 1965, с. 122–124). Для 1960-х годов это было вполне естественно.

Кстати, теперь, в начале нового века, уж никак нельзя петь дифирамбы работе П.П. Ефименко 1913 г. Она была первым опытом начинающего специалиста, слабой работой отчетного характера даже сравнительно с его же работой о Костенках (1913). Но в то время никому было не под силу указать на однокультурность или разнотипность верхнего палеолита: в России были лишь единичные памятники. П.П. Ефименко без особых на то оснований относил Мезин к позднему солютре / раннему мадлену. Впоследствии, желая утвердить мнение, что он, а не Волков — лучший знаток Мезина, Ефименко никак не мог отказаться от своего определения его сущности и возраста, вплоть до пластин с вогнутыми концами как свидетельства его солютрейского возраста.

Правда, и теперь возраст Мезина остается мало определенным. Ведь несколько определенных возрастов методом С 14 дали значительный разброс. Но дело даже не в разбросе, а в том, что его совпадение по времени с предкостенковским или костенковским временем, по-видимому, исключено.

Сразу же встает вопрос: какова же методика различения, которую З.А. Абрамова (Абрамова и др., 1997) хочет использовать для уяснения места Юдинова и Мезина в кругу памятников Поднепровья. Ведь степная зона, по П.И. Борисковскому, состояла из не-родственных культур, у П.П. Ефименко зона была занята родственными группами населения, пришедшими с Ближнего Востока. Что же об этом думает З.А. Абрамова, чем ее культурная область отличается от ранее существовавших зон? Или ничем не отличается? Требуется определить методы для выделения археологических культур, раз таковые ею, З.А. Абрамовой, предполагаются. Кроме того, как отличить другие общности от ее культурно-этнографической, которую — мезинскую или днепровскую — она называет группой родственных культур?

Можно сравнивать памятники и культуры по способу М. Гладких, можно по И.Г. Шовкоплясу, но нельзя же все способы брать как нечто равноценное. Нельзя в качестве равнокачественных показателей учитывать и двуплощадочные или одноплощадочные нуклеусы, и пластинки с притупленным краем или долотовидные орудия. Достаточно давно было выяснено, что разного рода резцы с ретушью или резцы без ретуши не годятся для сравнения культур, для определения культурной принадлежности памятника. Тут достаточно верные наблюдения принадлежат Л.В. Греховой. В большинстве случаев категории не могут определять культурной принадлежности памятника.

Различение и сравнение памятников культурно-этнографической зоны З.А. Абрамова проводит на уровне памятника, да ей и нельзя иначе. Ход ее работы — описание каждый раз нового памятника (там же, с. 22–49), и никогда — группы памятников. Будь в распоряжении исследователя так называемые культуры, конечно, куда проще было бы описать группу памятников, их общие, присущие всей группе признаки.

В работе З.А. Абрамовой (Абрамова и др., 1997) нет внутренней критики источника. В самом деле, прежде всего надо определить, есть ли археологические культуры, допустимо ли существование археологических культур днепровского бассейна, а затем выяснять, к какой культуре принадлежит тот или иной памятник. Те, кто раньше выделяли археологические культуры (а их было больше для среднеднепровского и деснинского районов, чем

для Дона), не смогли соединить более двух памятников в одной археологической культуре. Чаще всего, начиная с Л.В. Греховой (1970), в качестве такой культуры называли два памятника — Тимоновку и Юдиново. Юдиново — памятник малоизвестный, в том смысле, что он никогда не был опубликован профессионально и достаточно полно (до работ З.А. Абрамовой, 1995, 1997). Тимоновка столь же невезуча, поскольку В.А. Городцов успел опубликовать свои соображения об общественном устройстве обитателей Тимоновской стоянки, но о типологии каменных орудий он почти ничего не написал, ограничившись только методической разработкой типологии орудий (Городцов, 1935), не слишком удачной. Разные авторы — Гладких, Грехова, Хайкунова, Гаврилов — определяли археологическую культуру для бассейна Десны, а первой работу примерно на эту тему написала З.А. Абрамова (1960), у Л.В. Греховой есть уже юдиновско-timoновская культура (Грехова, 1970).

В середине текста публикации З.А. Абрамовой вдруг появляются соображения о днепровской культурно-этнографической области (Абрамова и др., 1997, с. 105), но нет определения этому понятию. Почему ей это понятие — область — так нужно? Ведь И.Г. Шовкоплас выставил тезис об области потому, что хотел не ограничиться анализом одного памятника, но указать на близкие ему памятники. А памятников, сходных с Мезиным, не оказалось. Памятники, им собранные под одним названием, имеют мало общего между собой. Они лишь в той или иной степени близки к Мезину территориально. Тогда, решает он, пусть будет область, поскольку на археологическую культуру тогда почти все смотрели отрицательно. Ведь и у П.П. Ефименко аналогов Мезину не нашлось, кроме Мальты, что теперь выглядит анекдотично: во всей Европе нет памятников, подобных Мезину, а в области, где все не так, есть однокультурные с Мезиным памятники. И с накоплением материала в Среднем Поднепровье подобных Мезину памятников не появилось.

В книге З.А. Абрамовой (Абрамова и др., 1997) нет обоснования культурной области, которое опиралось бы на новые материалы и соображения, кроме того, что «ее, кажется, признают все». А дело в том, что интерес к Мезину кончился после книги И.Г. Шовкопляса, и никто эту (среднеднепровскую) область не отрицал и

не одобрял. Поскольку это самое общее понятие в системе понятий З.А. Абрамовой, его следовало бы обосновать. Это можно сделать и в начале, но в конце текста (Абрамова и др., 1997, с. 105), появление столь общего понятия без обоснования выглядит несколько неожиданно. Правда, надо признаться, что такого правила — обосновывать вводимые понятия — во всей нашей археологической литературе по палеолиту почти что нет. И если я предъявляю такое требование к книге З.А. Абрамовой, то потому, что все равно когда надо начинать держаться такой нормы.

Лишь М.Д. Гвоздовер и А.Н. Рогачев, кажется, отвергли среднеднепровскую область именно в то самое время. Как я полагаю, нет оснований говорить о группе родственных культур, составляющих среднеднепровское единство, поскольку здесь нет никаких — ни родственных, ни чуждых друг другу (по А.Н. Рогачеву) культур.

Построение, предложенное З.А. Абрамовой, — не новое по своей форме. Суть его в следующем. На территории от Елисеевичей до Межиричей существует совокупность памятников, определенная в 1965 г. как среднеднепровская еще И.Г. Шовкоплясом. Это единство — не археологическая культура, а несколько родственных культур. Одна из этих культур — это памятники Десны: Юдиново, Чулатово, Тимоновка и Бугорок. Другая культура, по З.А. Абрамовой, — Межирич и Добраничевка, памятники правобережья Днепра, расположенные много южнее. Третья группа (или культура) — это Мезин и Супонево. Все три культуры — родственные или сходные, и поэтому, надо полагать, они составляют среднеднепровское единство. Конструкция З.А. Абрамовой совершеннее, чем те построения, что ей предшествовали. Перед нами картина или конструкция, построенная из разнокультурных памятников, при этом еще и разновременных (Абрамова и др., 1997, с. 106). Предшествовавшие авторы полагали все эти памятники однокультурными.

Чего не хватает, чтобы придать этой картине убедительность? Прежде всего, необходимо доказать существование этих самых трех археологических культур. Что они, эти группы, не единая культура — это мысль приемлемая. Но то, что внутри каждой из этих групп есть внутреннее родство, не может быть принято без доказательств. Сравнение жилищ из костей мамонта, как показала Л.В. Грехова (1970), не работает на

культуроразличение, ибо тип жилища может не совпадать с набором каменных орудий в одних случаях, а в других может и совпадать. З.А. Абрамова с этим соглашается. Но на протяжении всего текста она использует форму жилища в качестве аргумента, говорящего об однокультурности (в Гонцах было такое же жилище, в Добраничевке было такое же жилище...). Более того, прежде чем перейти к анализу каменных орудий — основы построения картины, она утверждает, что есть лишь одно исключение из правила: однокультурные памятники имеют сходные жилища. Это исключение — Аносовка II в Костенках. Тут она согласна, что форма жилища — это одно, а каменные орудия — это другое, и форма аносовского жилища не может быть аргументом в пользу родства Аносовки с деснинскими памятниками, потому что Аносовка расположена на Дону и от деснинских памятников далека географически.

Тимоновская совокупность форм каменных орудий, по З.А. Абрамовой, довольно однообразна, и с этим я готов согласиться. Об этом писал и П.П. Ефименко. Но основания для этого утверждения у меня и у З.А. Абрамовой разные. Я исхожу из того, что резцы не подходят для сравнения, сближения стоянок. Среди резцов Юдинова нет таких разновидностей, которые были бы типами, или, по М.Д. Гвоздовер и З.А. Абрамовой, были бы достаточно специфичны. Косоретушные резцы не отличают одну стоянку от другой в большинстве случаев. Где их только нет! И где такая стоянка, в наборе орудий которой не было бы косоретушных резцов? Сказать, что там и тут есть сходные косоретушные резцы — значит ничего не сказать про эти два памятника. Поэтому, пытаюсь описать юдиновско-тимоновской культуру, достаточно сказать, что там есть резцы, что они по преимуществу косоретушные и поперечноретушные, и на этом можно остановиться. Но это никак не работает на культуроразличение.

Попытки выделить мелкие косоретушные резцы как показатель позднего (мадленского) возраста (Борисковский, 1953) или резцы с ретушью, спускающейся на продольный край (Грехова, 1970), как показатель культурной принадлежности теперь уже опоздали. Между тем определенной формы скребки при известной нацеленности на культуроразличение могут

сыграть роль в этом процессе. В описании З.А. Абрамовой (равно как и других специалистов по деснинской археологии палеолита) различие скребков не слишком современное или недостаточно традиционное. Верно и то и другое.

Давно известно существование совокупности (или сопряженной группы) скребков, которая относится к поздней поре верхнего палеолита (по Рогачеву) или к мадлену — с известной долей приближения. Это тарновская совокупность скребков (Krukovski, 1938). Наши специалисты игнорируют существование этого понятия и изобретают различные велосипеды, классифицируя скребки, в том числе и тарновские (Хайкунова, 1998).

В Юдинове имеется все семейство (совокупность) тарновских скребков, хотя не все скребки Юдинова тарновские. Само присутствие всей сопряженной группы тарновских скребков говорит о том, что это не случайное совпадение, а явление, стоящее в ряду сходных явлений мадленского времени, часть некоего целого явления. Существование *тарновской группы скребков* позволяет унифицировать классификацию, но, естественно, после приведения строгих доказательств присутствия всех разновидностей скребков тарновской группы. Вместо деления скребков сначала по заготовкам, а потом по форме их можно разделить на подразделения: а) длинные/средние, б) короткие/укороченные.

В числе важнейших (может быть, впервые отмеченных) форм скребков идет укороченный скребок и короткий скребок. Эти подразделения скребков, к сожалению, редко применяются в русскоязычной литературе. Укороченный скребок — тот, у которого ширина больше длины, короткий скребок — тот, у которого ширина и длина примерно равны. У З.А. Абрамовой нет таких понятий, она применительно к скребкам пользуется понятиями *скребок на пластине*, *скребок на отщепе* и еще менее понятным — *на пластинчатом отщепе*. Конечно, эти понятия также широко распространены, но в отечественной археологической литературе. Понятие *укороченный скребок* дает представление о единице классификации весьма узкой и определенной. Укороченные скребки существуют в мадленское время. Они широко распространены наравне с другими тарновскими в пространстве, но приурочены к ограниченному отрезку времени. К тому же

скребки на отщепе (по Абрамовой), как можно судить по рисункам, — это короткие скребки, изготовленные, видимо, во многих случаях на половине пластины, а вовсе не на отщепе.

З.А. Абрамова осознанно предпочитает деление по (предполагаемой) заготовке (Абрамова и др., 1997, с. 34–35). Впрочем, тут же следует высказывание, что разнообразие форм скребков не укладывается ни в какие схемы. Ну почему же ни в какие? Ее деление по заготовке — тоже схема, только не лучшая. Длина заготовки скребка в большинстве случаев нам неизвестна, оттого деление по предполагаемым пропорциям заготовки (не скребка) неудачно. Деление З.А. Абрамовой по заготовкам хуже других потому, что выделяет несущественные и мелкие группы (таинственный скребок из лицевого скола, из толстых сколов, из поперечных сколов). Они не существенны, поскольку основаны на одном признаке, да и форма заготовки не существенна для классификации скребков. Дальше З.А. Абрамовой приходится говорить о скребках четырехугольных или треугольных, т. е. обращать внимание на форму скребка, а не на форму (неизвестную нам в большинстве случаев) заготовки. Разнообразие скребков выразится полнее, если принять во внимание их (скребков, а не заготовок) пропорции и форму.

Итак, множество скребков попадает в категорию укороченных. Описание формы скребка не помещается в название, но изложено в определении. Укороченный скребок имеет широкое лезвие, и оно всегда умеренно выпукло. Часть укороченных скребков двойные. Другая часть их имеет ретушь по краям, и это отмечено З.А. Абрамовой и/или видно по рисункам. В прежние времена выделяли мелкие скребки, но оказалось, что короткие/укороченные скребки могут быть и мелкими и крупными, абсолютные размеры не связаны с их формой и пропорциями. Типичны для тарновского комплекса асимметричные скребки (короткие и укороченные), притом что в норме скребки симметричные. Особенностью группы являются скребки с угловатым лезвием. Они отмечены нами как в Юдинове, так в Тимоновке. Следует добавить разновидности: двойные скребки с противоположащей ретушью лезвий. Иногда особо выделяют скребки с коркой, и при этом короткие/укороченные, но это может быть и необязательно.

В итоге перед нами полный ряд тарновской совокупности скребков. Из этого следует, что в такой полноте может быть указание на отношения с рядом памятников, и вовсе не деснинского (или днепровского) бассейна.

Эти скребки выводят нас на широкий простор памятников Средней Европы, позволяют сопоставлять наше Юдиново с памятниками за пределами Десны. Оригинальная типология свойственна и последней статье на тему деснинских скребков (Хайкунова, 1998). Этот автор демонстрирует убеждение, что раньше никто не занимался этим делом. Знакомство именно с классификацией мадленских скребков и учет точки зрения, скажем, Р. Шильда (Schild, 1960) может оказать воздействие на ход мысли исследователя. А может и не оказать, дело зависит от того, как оценить эту статью Р. Шильда. Иначе мы будем долго петь старую песню про мелкие скребочки (или скребки на отщепе), как это было в довоенное время.

В 1970 г. Л.В. Греховой был предложен термин *микрошательперрон*. Было бы замечательным шагом вперед, если бы Л.В. Грехова набралась храбрости и назвала эту форму *острием Federmesser*. Но она этого не сделала, а жаль, она была так близка к этому. И она вроде бы даже не слышала, что такие острия выделил П.И. Борисковский для Боршева, «взяв их (эти острия. — Г.Г.) отдельно как тип вне общего комплекса индустрии, можно сопоставить стоянки (Десны) с культурами федерmesser. Но группы этих культур относятся к более позднему времени».

Согласно основам типологии, тип берется вне общего комплекса, в этом его назначение. А потом выясняется, что типы такого-то рода встречаются в комплексе с типами другого рода. На определение типа хронология никак не влияет. Одинаковые типы могут быть и одновременны и разновременны. Они могут встречаться только в одной культуре, но могут встречаться и в разных культурах. Пример тому — черешковые острия в Германии (на севере европейской равнины) и во Франции. Другой, близкий по времени пример — Zinken, которые есть и в Германии, и во французских памятниках (Этиоль и др. памятники парижского бассейна). Это тот самый случай, о котором говорила Л.В. Грехова, — тип взят вне комплекса. Если они (стоянки группы

федерmesser) и относятся к более позднему времени, чем Тимоновка или Юдиново, то это как раз то, что предстояло выяснить. Ведь если они содержат мадленские (или аренбургские) формы, то именно после этого нужно думать: а что, эти формы появились у нас позже или раньше этих же форм в другой (остальной) Европе? Но Л.В. Грехова предпочла не проверять, а поверить.

Теперь точно так же все верят двум-трем, а то и одной дате по методу С 14 (Грехова, 1970). Юдиново и Тимоновка — памятники с близкой радиокарбоновой датой, но геологические данные недостаточны, чтобы отвергнуть или принять определения возраста методом С 14.

В такой ситуации трудно сравнивать Юдиново/Тимоновку с памятниками групп федерmesser в отношении возраста. Можно допускать более ранний возраст Тимоновки (на две-три тысячи лет) по отношению к более западным памятникам групп Federmesser. Орудий типа федерmesser известно в Европе большое количество, так что можно составить представление о них по публикациям. Они хорошо известны в Германии, и их мало на территории, примыкающей к бассейну Десны с запада. Это сравнительно небольшие острия с притупленным краем. Они не бывают подработаны по другому краю, ни со спинки, ни с брюшка. Спинка у них выпуклая умеренно или более близка к прямой. Видно, что каких-то особых примет у них нет, это изделие с недлинным списком признаков. Понятно, что найти типологическое соответствие остриям с притупленным краем, пусть слегка выпуклым, вне зоны распространения памятников разных групп федерmesser (или, как говорит Л.В. Грехова, вне комплекса) — трудно, рискованно.

Если ограничиться морфологией острия, то острия из Тимоновки подобны остриям Federmesser. Доказательство этого несложно именно ввиду того, что это острие — разновидность формы с коротким списком признаков. Но они не случайны, поскольку все экземпляры несут повторяемые черты. Интересно, что у З.А. Абрамовой острия типа федерmesser не упоминаются вовсе. Однако в публикации Г.В. Григорьевой (1997) есть типичное острие федерmesser среди материалов Юдинова. Острия федерmesser немногочисленны и в немецких памятниках. Большинство орудий в этих памятниках составляют,

конечно, скребки, а в других разновидностях — резцы, но не остря с притупленным краем.

Подборки на немецких стоянках показали, что остря типа федермессер иногда делались из обломков пластин с притупленным краем — при всей важности, которую археологи склонны придавать этим формам. Если остря федермессер говорят о каких-то отношениях памятников типа Тимоновка к памятникам типа велен или риссен, то пластинки с притупленным краем говорят о близости, и притом большой близости, между двумя памятниками Десны — Юдиновым и Тимоновкой. В том и другом памятнике есть пластинки с притупленным краем, притом сами пластинки довольно толстые (для пластинок с притупленным краем) и ретушь у них крутая. У части пластинок концы оформлены ретушью. Они также особенность Юдиново, и сходные формы есть в Тимоновке.

Есть еще одна форма, которая встает в контекст наилучшим образом. Одной из показательных форм мадленских памятников к западу от Белоруссии и Украины является проколка с длинным жалом. Просто проколки встречаются везде и во всякое время, и только проколки с длинным жалом (Langbohrer) типичны для мадленского времени (Feustel). Насколько я знаю, они пока не привлекают особенного внимания исследователей в памятниках Восточной Европы соответствующего времени. К.Н. Гаврилов опубликовал несколько проколок с длинным жалом в Тимоновке. Он, как и другие, не придал особенного значения этим формам, поместив их наравне с другими проколками (средних пропорций и короткими). Langbohrer встает в общий ряд с тарновскими формами скребков и с острием федермессер, поэтому эту форму нельзя обойти вниманием.

Я считаю, что сходство с Елисеевичами или с Супоневым отражает общность всех памятников поздней поры верхнего палеолита, и не более того. Это тоже сходство, но существеннее не такое общее сходство, как присутствие косоретушных резцов или маленьких скребков, а присутствие сопряженной группы орудий. Я представляю себе возражения моих оппонентов. Во-первых, заметят они, я отвергаю группы орудий, которые представляют собой большинство совокупности орудий — резцы. Во-вторых, всегда возможно указать еще множество стоянок

с короткими двойными скребками. Например, в Боршеве 2 или в Анетовке тоже есть двойные скребки, и они маленькие. Или, как говорил П.И. Борисковский (да и не он один), скребки на сечениях пластин. Теперь, у авторов конца прошлого века, бывшие скребки на бывших сечениях пластин — это скребки на отщепах.

В отличие от тех, кто говорит (говорил) о маленьких скребочках на сечениях пластин (Борисковский, 1953), я как раз говорю о сопряженной группе скребков, и эта совокупность повторяется много раз. Резцы же не годятся для различения культур, и это признают теперь многие. Это признает и З.А. Абрамова, и признавала раньше Л.В. Грехова. Резцы не подходят и для моих целей. Я же обращаюсь к материалу Десны со своей собственной целью — показать там особую структуру памятников поздней поры верхнего палеолита. Пора оставить старую материю — о палеолите как совокупности (только) археологических культур.

К.Н. Гаврилов уже продемонстрировал на старых инструментах, что нет мезинского или днепровского единства, что можно сгруппировать памятники парами и этих пар будет три. Не особенно задумываясь над тем, что такое археологическая культура, он по традиции (как все) назвал эти пары археологическими культурами. Точно так же неизвестно, можно ли убедительным образом сгруппировать эти пары в одну единицу анализа или в две. Для меня существенно, во-первых, что из этих пар едва ли одна обладает таким сходством, как сходство между Юдиновым и Тимоновкой. Во всяком случае, сходства с Мезиным пока никто не сумел доказать ни для какой стоянки и ни для какой пары стоянок.

Попытки доказать сходство с Мезиным основывались на предпосылке: а нельзя ли все-таки найти самую похожую на Мезин совокупность материала. Этот вопрос — нечто иное, чем вопрос: есть ли памятники, однокультурные с Мезиным. Похожие в чем-то на Мезин памятники, может, и есть, а вот однокультурных нет. Потому что на Десне археологических культур нет. Есть пары. Пресловутый способ Брейнерда как раз тот способ, которым можно отвечать, наверно, на вопрос: кто на кого более похож.

Действительно, вот перед нами несколько памятников днепровского бассейна, несходных между собой. А вот Мезин, который куда как ори-

гинален, непохож на другие памятники. Но ведь не может быть в нем ни одной формы, которая бы не нашлась в других памятниках, — это дело маловероятное, поскольку все-таки рассматриваемые памятники и времени примерно одного, после граветийского эпизода, и расположены, по крайней мере некоторые, близко друг от друга. Стало быть, возможно, что меж ними какие-то общие формы и объявятся.

Метод Брейнерда рассчитан на измерение сходства в равных признаках, в единицах измерения, которые признаются равнокачественными. Вот как раз этого мы и не знаем: равнокачественные ли признаки, нами используемые. А что того хуже, М.И. Гладких предложил применить метод, известный у американцев и, наверно, подходящий для разных видов керамики (с орнаментом, с росписью, кухонной) американских индейцев, но никем не приспособленный для целей палеолитической классификации. В Америке никому в голову не приходило выделять археологические культуры на основании индейских групп керамики. Теперь же мы все не можем обойти работы М.И. Гладких по поводу сходства Добраничевки и Мезина или Добраничевки и Межиричей. Но надо уже понять, что сходство двух памятников — это одно дело. И совсем другое дело — существование археологических культур и установление меры сходства внутри группы памятников, которые мыслятся как принадлежащие к одной культуре.

Самое же главное: собравшись доказать существование единства и существование археологических культур, необходимо, согласно процедуре исследования, обосновать существование этих понятий на нашем материале, показать методы их обнаружения, а уж потом доказывать, что есть мезинская культурная область или область охотников на мамонта (ИКО).

В той области, что определена З.А. Абрамовой, в днепро-деснинском бассейне часть памятников осталась за пределами ее рассмотрения, зато попали почему-то памятники Польши и Венгрии. Понятие археологической культуры, которую многие, в том числе и я, провозгласили основным (что на деле означало — единственным) понятием в археологии палеолита, теперь не имеет прежнего обаяния. Дело не в том, что это когда-то новое понятие стало привычным и прежнего восторга не вызывает. Если уж есть какая-то

археологическая культура (неважно, на Дону или во Франции), то время добавляет число памятников этой культуры. Так, число памятников с признаками костенковской культуры или виллендорфско-костенковского единства медленно, но все-таки увеличивается. А большинство культур на Русской равнине как были объявлены в количестве одна штука, редко две, так к ним и прибавить нечего. Понятие *археологическая культура* для после-костенковского времени и на Десне пока не организует материал.

Раньше материал Десны рассматривали как единое целое, хотя П.И. Борисковский (1953) был против того, чтобы рассматривать его как некое единство и при этом противопоставлять палеолиту Дона — другому единству. Затем группа исследователей стала говорить о разных археологических культурах на Десне. Но каких-то перемен от этого не произошло.

Если оставить в стороне новое понятие *археологическая культура* (новое для 1960 г.), то ведь ничего вместе с этим нового не было сказано. И раньше П.П. Ефименко считал, что Супонево близко к Мезину, а дальше следует Тимоновка и Гонцы. Но для него это были ступени развития палеолита на Русской равнине, что между Тимоновкой/Юдиновым и Елисеевичами нет ничего общего, общих форм. А вот различия просматриваются легко. В Елисеевичах нет коротких/укороченных скребков, уж не говоря о скребках тарновской группы. Соответственно, в Елисеевичах нет таких толстых пластинок с притупленным краем, которые свойственны Тимоновке и Юдинову. Зато есть пластинки с притупленным краем, который неровный. Скребки там порой длинные или средних пропорций.

Елисеевичи — такая же своеобразная стоянка, отдельный памятник, как Мезин. Другое дело, что его искусство все-таки позволяет его сопоставлять с другими деснинскими памятниками, но не со всеми, а только с некоторыми. И тут нет полного совпадения. Сложнее дело обстоит с Гонцами, поскольку памятник не так уж хорошо известен (я не могу сказать о нем ничего более, чем написано в книжках). Тем более что он сейчас раскапывается и коллекция его увеличится.

З.А. Абрамова предложила для такой группы термин *культурное единство*. Единство включает несколько культур. Каковы же эти культуры,

или, другими словами, группы, более тесные внутри себя? Есть одна такая группа — это Тимоновка и Юдиново. К ней З.А. Абрамова присоединяет еще и Чулатово II. Чулатово по кремню кажется ей настолько близким памятником, что она допускает получение кремня юдиновцами из Чулатовской мастерской. Правда, сопоставление мастерской с жилым памятником — трудная задача. Кажется, никто не брался за установление такого рода связи по морфологии орудий из кремня. З.А. Абрамова права, когда откладывает решение такой задачи на потом, когда будет проведен анализ сырья минералогическими методами. Но сходство сырья не доказывает культурной близости.

Пока что материалы Чулатова, уж если принимать характеристику, данную Чулатову М.В. Воеводским, отличает однообразие материала и, видимо, неполнота состава орудийного набора. А это исключает возможность установления подобия в той степени, на которую уповаet З.А. Абрамова. Если иметь в виду пару Тимоновка–Юдиново, то относить к ней Чулатово нет оснований, потому что такого сходства, как между Тимоновкой и Юдиновым, с Чулатовым у них не наблюдается.

Надо сказать, что об однокультурности каких-то памятников в книге говорится нечасто. Я нашел одно место. Речь идет о сравнении Костенок II на Дону и Юдинова. Оказывается, «основное и очень существенное отличие состоит в той преобладающей роли, которую играют разнообразные долотовидные орудия, которые на Десне хорошо представлены только в мезинской культуре» (Абрамова, 1997, с. 108). З.А. Абрамова добавляет к этому только одно соображение: «...отличаются и резцы своей разнородностью». А следующее утверждение звучит довольно робко: «Все это противоречит понятию однокультурности, но в целом, учитывая наличие остатков жилища из костей мамонта, позволяет говорить о каких-то общих, очень широких чертах сходства» (Там же, с. 108). Отметим, что в этом случае речь идет о той однокультурности, которая определяется по типологии/морфологии каменных орудий, а добавка к этому заключению — очень общего порядка.

По моему мнению, основанному на знакомстве с памятниками, Юдиново не сходно ни в какой степени с Костенками II. Но дело не в присут-

ствии какой-то категории (долотовидные орудия) или субкатегории (резцы косоретущие) и тем более не в пропорциях этих резцов. Культурная принадлежность определяется не категориями, а гораздо более дробными единицами классификации, лучше всего — типами, а если их нет — надтипами.

Соображения о типе жилища вызывают у меня возражения своей непоследовательностью в использовании данных. В итоге анализа сведений о жилищах аносовского типа я вдруг увидел, что жилище Аносовки — нетипичное для жилищ этой разновидности. Поскольку основания для такого утверждения приведены З.А. Абрамовой в таблице, я обратился к ней. Почему же так получилось? Оказалось, данные о жилищах мезинского типа взяты З.А. Абрамовой некритически (так, как написано в книжках). З.А. Абрамова сама копала, наверное, более десятка памятников и знает, что значит заключение одного автора, например А.Н. Рогачева, и заключение другого человека (как говаривал А.Н. Рогачев: «Он ведь человек-то не-полевой!»).

Первый признак, который, по З.А. Абрамовой, отличает аносовское жилище от межиричских — это углубленность аносовского жилища в противоположность межиричским. Но жилища Межирича — углубленные жилища в такой же степени, как и жилища Аносовки. Разрезы через жилища у И.Г. Пидопличко отсутствуют, так что ему самому нельзя приписывать заключения об отсутствии углубления. На мой вопрос о том, есть ли там углубленность, И.Г. Пидопличко, к моему вящему удивлению, ответил утвердительно. Но он не мог зафиксировать глубину, поскольку его интересовал список костей, а не разрез жилища. Отсутствие интереса к заполнению жилища, что называется, задокументировано, потому что после нанесения на план костей мамонта верхнего слоя к дальнейшему он не проявлял интереса, кости снимали и складывали, возможно нумеровали, но не наносили на план. План уже был готов, и его нельзя было портить добавочными костями, тем более что и места на плане для более глубоко расположенных костей нет...

Процесс убирания костей, не вмещавшихся на плане, наблюдал А.Н. Рогачев и ярко живописал мне это. Дело не только в сообщениях и наблюдениях за раскопками в Мезине и в Межиричах.

Ведь есть и напечатанные рецензии, и отзывы на публикации И.Г. Пидопличко, где о методах раскопок двух украинских исследователей говорится достаточно недипломатично (Борисковский, 1953). А о том, что Мезин — жилище углубленное, ясно писал И.Г. Шовкопляс. Его фотографии в монографии меня лично вполне убеждают в этом. Так что Аносовка (второй слой) — это типичное жилище из костей мамонта с челюстями. Только их меньше, чем в некоторых межжиричских жилищах.

Теперь о планах жилищ в Юдинове и в Межиричах. Планы жилищ, где по кругу/овалу расположены кости (включая сюда черепа) мамонта, часто бывают развалены. Контур скопления иногда увеличивается за счет такого развала, а форма получается довольно странная. Оттого встает вопрос о том, как же определять форму и размеры жилища. Если я правильно понял, З.А. Абрамова принимает край такого развала за край жилого сооружения. Я думаю, соображения о форме того или иного жилища должны быть следствием анализа этих развалов. В иных случаях, напротив, край жилища «задвинут» в глубину сооружения, поскольку часть костей была снесена. В этом случае край, видимо, надо восстановить. Но и это еще не все.

Как я знаю по опыту исследования Аносовки, внутри некоторых жилых сооружений этого типа собственно жилое углубление начинается с отступом от внутреннего края скопления костей. Отсюда подсчеты площади таких жилищ надо делать с учетом не только развала костей, но и с учетом углубления. Разумеется, это возможно только в тех случаях, когда исследователь отметил в процессе раскопок такие углубления. Что касается входа в эти жилища, то он ведь никем не был найден. Там, где указывают вход, не замечено разрыва в скоплении костей. А в этом случае речь может идти только о пятне культурного слоя за пределами скопления костей, и не более того. Означает ли такое пятно культурных остатков вход в жилище, этого никто не знает.

Что касается многих наблюдений И.Г. Пидопличко на раскапываемых памятниках, они вызывают множество сомнений. Примером тому может быть группа костей в жилище 1, перед развалом костей. По рассказам участников исследования, эти кости были сложены тут после боль-

шого дождя, когда потоки воды размывли скопление костей и часть их вынесли из общей массы. Произвольно поставленные кости вызвали восторг И.Г. Пидопличко, и он принял их место за истинное, благо они давали возможность «рассказать, как все было» в палеолите. Известно, что И.Г. Пидопличко не был археологом, на процесс раскопок смотрел как на собирание фаунистического материала и «документальной» основы для реконструкции жилища, и к его реконструкциям надо относиться с большей осторожностью, чем к работам собственно археологов.

Если говорить об археологических культурах в бассейне Днепра, останавливаясь только на тех памятниках, на которых основывалась З.А. Абрамова, то надо признать, что есть только два близких, скорее всего однокультурных памятника — Юдиново и Тимоновка, и другую такую пару нельзя сделать из Мезина и Супонева. Как я считаю, основываясь на своем знакомстве с материалами Мезина, старых раскопок и новых, Мезин имеет мало отношения к Супоневу, как и к другим памятникам, рассматриваемым З.А. Абрамовой. Прав был П.П. Ефименко, считая в свое время Мезин и Супоневое разновременными и разнокультурными памятниками. Даже если взять за основу не «старый» Мезин раскопок 1908–1914 гг., а довольно-таки отличную новую коллекцию из раскопок И.Г. Шовкопляса, то и в этом случае Супоневое не найдет соответствий в мезинском наборе инвентаря. Разница между Мезиным и Супоневым наглядна, и не надо подсчетов, чтобы ее обнаружить (хотя, конечно, можно и считать). Если посмотреть на скребки Супонева, то это набор с участием сопряженной группы скребков тарновской группы. А в Мезине нет ни одного скребка такой группы. Соответственно в Мезине нет ни единого резца супоневского типа. Все соображения о близости этих памятников сводятся к проколкам. Они мелкие и на отщепках в Мезине, и в этом все их сходство с Супоневым.

Я в свое время, лет двадцать назад, выдвинул предположение, что на Десне (подчеркиваю: на Десне, не в бассейне Днепра) есть группа памятников, объединенных *сотрадищей*. Термин я заимствовал, а в содержательной части был самостоятелен.

Я имел в виду, что все памятники разнородные, или разнокультурные, но у всех можно най-

ти пару общих элементов. Конечно, самое главное — какие это элементы. Все остальное зависит от списка общих элементов, Ведь И.Г. Шовкопляс, скорее всего, мог свою мезинскую группу тоже назвать мезинской сотрадицией, но взятые им признаки никуда не годятся.

Теперь я и свою гипотезу склонен рассмотреть иначе. В качестве объединяющего момента я готов взять не разные для разных памятников признаки, а общие признаки: тарновские скребки как сопряженную группу, острия федермессер, проколки с длинным жалом. Необходимо установить, постоянны ли эти признаки, как широко они распространены — не везде, а в пределах интересующего нас района, вернее интересующего меня и Г.В. Григорьеву (бассейн Десны). Рассмотрение нужно ограничить именно каменными орудиями, поскольку известно, что сюжеты искусства и художественные приемы распространяются иначе, чем формы каменных орудий. Формы жилища существуют независимо и от искусства, и от форм каменных орудий.

Палеолит Десны представляет собой единство. На чем же основано это единство? Что касается каменных орудий, то это формы, хорошо известные к западу от Белоруссии и Украины. Это уже перечисленные и описанные мною скребки тарновской группы, проколки с длинным жалом, острия с притупленным краем — *Federmesser*. Однако эти формы известны за границами бассейна Десны. Там они числятся как местные, и соответственно у нас они должны считаться привнесенными. Давно было отмечено, что объединяющим началом для палеолита Десны может быть искусство, в частности орнаментальные мотивы и элементы, из которых построены эти мотивы и композиции.

Но не женские статуэтки! Оказывается, искусство, орнаментальные мотивы лучше всего выражены в стоянке Елисеевичи. А по кремневому инвентарю Елисеевичи чужды всем памятникам бассейна Десны, стоят особняком по отношению к ним. Знаменитая женская статуэтка Елисеевичей, хранящаяся в МАЭ, опять-таки выделяет Елисеевичи из ряда соседних с ними стоянок. Ни на одной стоянке, примерно синхронной Елисеевичам, нет женских статуэток. Разумеется, к этому времени относятся статуэтки Добраничевки, но они в своем построении, в геометризме, отсут-

ствии деталей не имеют ничего общего с Елисеевичами.

При этом исследователями Юдинова было замечено сходство орнаментального искусства Юдинова и Елисеевичей. Речь идет о сходстве в элементах орнамента и в построении его мотивов.

Таким образом, всякое сходство, которое отмечается между двумя-тремя стоянками в бассейне Десны, является частным сходством, сходством двух, редко трех стоянок, и не распространяется на весь бассейн и даже на несколько стоянок. Деснинский палеолит — это не монолитное единство множество стоянок (единство как однокультурность), это область, где сходство по одному качеству не совпадает по территории со сходством по другому качеству. Если на двух памятниках заметно сходство по орнаментальным мотивам и элементам, то на остальных памятниках орнаментальные сложные схемы просто неизвестны. А по формам каменных орудий сходство будет между двумя другими стоянками. Перед нами на Десне новая структура поздней поры верхнего палеолита, ранее не предполагавшаяся. Под ранее предполагавшимися схемами я имею в виду деснинско-днепровское единство, и/или существование на Десне нескольких археологических культур.

Вместе с тем я согласен с ранее высказанными предположениями о близком сходстве Тимоновки и Юдинова. Но, по моему мнению, из этого не вытекает существование тимоновской археологической культуры. Общая картина, мною полученная, отличается от той, что предполагалась ранее. Влияние соседних памятников — к западу от бассейна Десны — отчетливо, поэтому нельзя говорить об изолированном от памятников Германии и Моравии существовании деснинских памятников поздней поры верхнего палеолита.

Выделенная мною для памятников бассейна Десны группа каменных орудий (тарновская группа скребков, *Federmesser*, *Langbohrer*) широко распространена в Европе. Это элементы, соединяющие некоторые наши памятники с памятниками к западу от Десны. Но они не могут считаться соединяющими деснинские памятники в единое целое, поскольку встречаются только в некоторых немногих памятниках бассейна Десны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамова З.А.* Роль и значение искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы // СА. 1960. № 3.
- Абрамова З.А.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1995. Вып. 1.
- Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 2.
- Бибиков С.Н.* Роль костяного инвентаря в позднем палеолите Крыма // Уч. зап. ЛГУ. 1949. № 49.
- Борисковский П.И.* Исторические предпосылки оформления так наз. Homo sapiens // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1935. № 5–6.
- Борисковский П.И.* Палеолитическая стоянка Боршево II // МИА. Л., 1941. № 2.
- Борисковский П.И.* Палеолит Украины // МИА. М.; Л., 1953. № 40.
- Гаврилов К.Н.* Специфика кремневых комплексов среднеднепровских стоянок: Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1994.
- Городцов В.А.* Тимоновская палеолитическая стоянка // Тр. ИАЭА М.; Л., 1935. Вып. 3.
- Грехова Л.В.* Памятники эпохи палеолита и мезолита // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы: Тр. ГИМ. 1970. № 44.
- Григорьева Г.В.* Работы на верхнепалеолитической стоянке Юдиново в 1995 г. СПб., 1995.
- Григорьева Г.В.* Исследование верхнепалеолитического поселения Юдиново в 1996 и 1997 гг. СПб., 1997.
- Ефименко П.П.* Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. 1928. № 1.
- Ефименко П.П.* Значение женщины в ориньякскую эпоху. Л., 1931. Т. XI. Вып. 3–4.
- Ефименко П.П.* Дородовое общество. Л.; М., 1934.
- Ефименко П.П.* Первобытное общество. Л., 1938.
- Ефименко П.П.* Костенки 1. М.; Л., 1958.
- Замятнин С.Н.* Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // Палеолит СССР: Материалы по истории дородового общества. Известия ГАИМК. Вып. 118. М.; Л., 1935. С. 26–77.
- Рогачев А.Н.* Александровское поселение древнекаменного века у с. Костенки на Дону. // МИА. Л., 1954. № 45.
- Хайкунова Н.А.* Скребки и скребковидные предметы стоянки Супонево // Тр. ГИМ. 1998. Вып. 96.
- Черныш А.П.* Палеолит Среднего Поднестровья // Тр. КИЧП. 1959.
- Шовкопляс Г.Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965.
- Яковлева Л.Н.* Организация жилой структуры стоянок с мобильным и настенным искусством // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002.
- Krukowski S.* Paleolit Polski. Wroclaw, 1938.
- Schild R.* L'extension des elements tarnovien a l'extreme fin du Paleolithique superieur // Archeologia Polona. 1960. No. 1.